

Д.Д. Щинова

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В РЕГИОНАЛЬНОМ АНДЕГРАУНДЕ РОССИИ: ХРОНОТОП СОВРЕМЕННОЙ ЭКЗИСТЕНЦИИ

Аннотация. В современных реалиях представляется проблематичным идентифицировать андеграундную культуру российских регионов. Вместе с тем, культура андеграунда активна и сосуществует одновременно с официально принятым культурной политикой курсом. Отойдя от привычного деления «официального/неофициального», фокус в определении культуры андеграунда был переведён на пространственно-временное восприятие современных представителей андеграунда российских регионов. В настоящее время всё яснее проявляется идея «остановки» исторического времени, идея культурного «безвременья», в которой наши современники не представляют себя деятелями, прямыми акторами культуры, и, как следствие, идея представителей андеграунда о невозможности изменения существующего строя прямым образом. В исследовании были использованы методы библиографического анализа текстов и научных работ в области искусства андеграунда, дедукция представленной терминологии и, на основании этого, синтез нового определения «андеграунда» по отношению к российской региональной культуре в целом. Также были использованы материалы, полученные из экспедиции по регионам России, организованной автором в июле-августе 2015 г. Автор приходит к выводу, что понятие «безвременья» в ситуации «эпохи перехода» становится одним из определяющих аспектов термина «андеграундная культура», в то время как современный представитель андеграунда уходит в «подполье» из-за чёткого убеждения, что не сможет ничего изменить в действующей временной парадигме, при этом региональные различия будут заключаться лишь в традиционном понимании времени.

Ключевые слова: культура андеграунда, культура повседневности, теория культуры, культурная политика, культура российских регионов, культурно-историческая память, культурная маргинальность, андеграунд, хронотоп современности, философия культуры.

Abstract. In the current situation, it seems difficult to identify the underground culture of the Russian regions. At the same time, the underground culture is active and simultaneously coexists with the officially established by the cultural policy vector. Shifting away from the usual division of the "official/unofficial", the focus in determination of the underground culture was being switched onto spatial-timely perception of the modern representatives of the underground culture of Russian regions. This work used the methods of bibliographical analysis of the texts and scientific materials in the area of the underground art, deduction of the presented terminology, and based on this, synthesis of the new definition of the "underground" pertaining to the Russian regional culture as a whole. The author comes to a conclusion that the notion of "timelessness" in situation of the "era of transformation" becomes one of the defining aspects of the term "underground culture", while the modern representative of the underground culture "goes into shadows" due to a strong persuasion that he is not capable of changing anything within the timely paradigm; however, the regional difference will consist just in the traditional understanding of time.

Key words: philosophy of culture, chronotope of the modernity, underground, cultural marginality, cultural and historical memory, culture of Russian regions, cultural policy, theory of culture, casual culture, underground culture.

Научный аппарат в исследованиях по культурологии до сих пор нельзя назвать устоявшимся. Многие термины заимствованы из других дисциплин и имеют множество трактовок (сам термин «культура» можно интерпретировать в различных вариациях). Один и тот же процесс мы можем рассмотреть как в масштаб-

ном, всеобъемлющем описании, так и в узком, конкретном, наиболее характерном для того или иного объекта исследования. Проводя исследования в такой области как культурология важно понимать, что мы всегда будем обращаться к наследию уже опубликованных работ в смежных областях, таких как история, философия, социология, антро-

пология, этнография и др., так и, по умолчанию, использовать достижения естественно-научных открытий. Поскольку любая научная мысль (а исследования в области культурологии не будут являться здесь исключением) будет направлена на поиск истины, отвечая на поставленные исследователем вопросы, научные работы всегда будут стремиться к обобщению для закрепления искомой позиции. Поэтому научная мысль ориентирована на количественное большинство процессов, или проявлений одного и того же процесса, из которого можно вывести определённую закономерность. Когда мы имеем дело с псевдонаучной мыслью, мы будем наблюдать, по большей мере, исключения, частные проявления определённых процессов. Так или иначе, такие исследования также не стоит сбивать со счетов, поскольку наибольшая полнота и целостность в рассмотрении того или иного феномена даёт нам приближённую ясность к пониманию комплексно исследуемого вопроса. Исследования характера «Влияние на творческое мышление употребления лука в ежедневном рационе россиянина», возможно, позволит выявить творческий подъём у восьми из десяти респондентов, но в этой связи необходимо расчлнить обобщения, чтобы выявить характер любого исследуемого элемента. Т.е. не только полезные свойства лука должны приниматься во внимание, но и индивидуальные особенности самих респондентов: если четверо из тех восьми, на творческое мышление которых лук оказывает положительное влияние, – работники творческих профессий, заблуждение такого исследования будет сводиться к недооцененному вниманию к полноте исследуемого объекта. Поскольку на остальных четверых из десяти выведенная теория о пользе лука будет работать, мы не можем игнорировать такой интеллектуальный труд, но всегда будем иметь в виду, что данная работа применима к частным случаям, исключениям из общей закономерности. Хотя исключения также должны быть учтены в любом исследуемом нами процессе.

В изучении андеграундной культуры регионов России нам видится опасность невозможности закономерного обобщения всех происходящих на этом поле исследования процессов, а также огромное количество исключений, оговорок и комментариев к любому, выдвигаемому нами и претендующему на научность, тезису. Так или иначе, они имеют место быть в современной региональной культуре России и по-своему, прямо или косвенно, быть вовлечёнными в порождение общенациональной тенденции, которая формирует всю российскую культуру целиком, во всей её полноте, разнообразии и, вместе с тем, целостности.

Поиск ответа на актуальный вопрос о месте термина «андеграундная культура» в современном культурологическом аппарате сложно свести лишь к делению российской культуры на «официальную» и, соответственно, «неофициальную» – как точку, откуда начинается тенденция к культуре андеграунда. В современных реалиях, где всё ещё уместно говорить о культурной политике, в которой не так очевидно выражена цензура, как это было, например, в советский период, выявить характеристики культуры «неофициальной» нам представляется проблематичной задачей. Важно обратить внимание на то, что культура российского андеграунда больше не отвечает напрямую своему определению как «подполье», но всё же существует параллельно с официально принятым культурной политикой курсом.

Ситуацию, в которой культура андеграунда в настоящий момент пребывает, как это было описано в статье Ж. Бобер «Культурная маргинальность и её место в развитии культуры», принято называть «периодом перехода»: «Переход как маргинальное пограничное состояние характеризуется неопределённостью, представляя пространство потенциальных возможностей, реализация которых приводит собственно к достижению предельных состояний и, в конечном счёте, “разрыву” и “распаду” системы, обеспечивая тем самым её развитие» [1, с. 140]. В то же самое время, именно на проявления андеграундной культуры возлагаются надежды по трансформации данной «эпохи перехода» в качественно новый уровень за счёт ответа на вызов современности, который бросает «официальная» культура в своём массовом проявлении (а именно, массовая культура) [1, с. 140]. Ж. Бобер видит в данном вызове противостояние традиции и инновации, где культура андеграунда находится на стороне последней: «Абсолютизация инновации, так же как и абсолютизация традиции, представляет опасность для сохранения целостности культуры: неупорядоченный и лавинообразный характер инноваций вызывает у человека чувства неприютности, неадаптированности, страха перед неопределённостью будущего» [1, с. 137]. Здесь надо отметить, что в актуальной культурной политике России происходит точно такой же разлад: с одной стороны, действия культурной политики направлены на сохранение традиции, с другой стороны, в связи с переходом на рыночную систему экономики и ориентацию на быстро меняющиеся трансформации в культуре вместе с информационными процессами, а также глобализацией, государство вынуждено поддерживать проекты, которые способствуют инновационному обновлению

культурной мысли. Принятие законов в области культурной политики происходит поступательно, медленно пропуская нововведения в массовый оборот, но, вместе с тем, уже практически отказываясь от традиционалистских устоев в предложенных проектах, ссылаясь на неактуальность последних, или, проще говоря, на их коммерческую нерентабельность. Важным критерием в выборе проектов, которые могут получить поддержку со стороны государства, становится их «благонадежность» [3, с. 118]. Соответственно, мысль андеграундного проявления в культуре принято считать неблагонадежной.

Благонадежные либо неблагонадежные проекты для культурной политики – это те аспекты, по которым происходит ценз современных творческих проявлений в культуре. Государственную поддержку, по данным канонам, могут получить те проекты, которые, предаваясь массовому распространению, будут формировать у аудитории необходимый набор эмоционально-поведенческих реакций, ясное отношение к действительной экзистенции, не только личностной, но и национальной, а также провоцировать соответствующие решения и действия. Несложно оправдать закономерное планирование со стороны органов государственной культурной политики, которые, отсекая, на их взгляд, «ненужные» проекты, тиражируют в массы только те, что направлены на определённую мировоззренческую национальную модель восприятия российской культуры. Вместе с тем, на периферии разнообразия национальформирующих проектов, остаются и те, которые заполняют пространство российской региональной культуры, но, в силу недостаточного финансирования и, соответственно, информационной поддержки, остаются узнаваемыми в кругу ограниченной группы лиц.

Возвращаясь к вопросу о месте культуры андеграунда в современном культурологическом научном аппарате, после попытки объяснить все актуальные основания недостаточности поиска ответа лишь в рамках оппозиции к «официальной» российской культуре, мы обратились к хронологу современности.

В отечественном контексте так называемого «неофициального» искусства 1980-х гг. осмысление темы времени и «культурного безвременья» проходило через выбор художественной самоидентификации [2, с. 280]. В то время как для современной художественной деятельности характерна идея «разорванного» времени, в котором отсутствует преемственность в смене событий, а значит, и направленность» [2, с. 280].

Современный контекст безвременного восприятия реальности становится актуальным уже с конца XX столетия. С одной стороны, хронотоп современной мысли теряет свою связь с причинно-следственным осознанием культурно-исторической памяти. Временное восприятие в координате временно-пространственного континуума начинает сводиться к определённым точкам на ней, вместо линейного осмысления. Отчасти в связи с процессами глобализации, где темп и ритм событийности на координате собственной экзистенции ускоряется, время представителя современной культуры (в основном, молодёжи), воспринимается через призму основных моментов, произошедших с ним на определённом этапе его жизни. Современная экзистенция начинает тяготеть к проживанию моментами, теряя целостность жизненной модели человека. В связи с постепенной утратой культурно-исторической памяти, концепция «здесь и сейчас» переживает новый виток своего переосмысления в современной культурной парадигме.

В настоящее время всё чётче проявляется «идея “остановки” исторического времени, идея культурного “безвременья”» [2, с. 283], в которой наши современники не представляют себя деятелями, прямыми актёрами культуры. Постепенно начинает утрачиваться понимание того, что в данную историческую эпоху человек может что-то изменить. Исследуя вопрос об актуальных проявлениях культуры андеграунда, нам важно отметить воззрение представителей андеграунда о невозможности изменения существующего строя прямым образом как одну из характеристик [2, с. 284].

Утрата ощущения себя во времени характерна больше для представителей европейской части России. Лозунг «здесь и сейчас» под влиянием массовой культуры, официально принятой в современном российском обществе, представляется в своём искажённом варианте, всё больше отдаляя его последователей от причинно-следственной исторической памяти в культуре. «Здесь и сейчас» в современном понимании представителя европейской части региональной России символизирует гражданскую свободу, по большей части. Именно ту свободу, которая бы не противоречила такой же свободе окружающих, но подразумевающую под собой те действия, которые могут быть направлены на себя.

Восточная сторона региональной России, где распространены традиции буддизма и шаманизма, также разделяют позицию «здесь и сейчас» в хронотопе современности, но в меньшей мере утрачивает историческую память. Традиция связи «Ученик – Учитель», «Отец – Сын» сохраняются в

мировоззренческом представлении о жизни в связи с поддержанием устоев шаманской и буддийской религий, поэтому точки на временно-пространственной координате экзистенции современного россиянина на примере республик Тыва и Бурятия будут ментально пролонгированы за пределы актуального хронотопа.

В этой связи также важно отметить культурный феномен восприятия собственного жизненного мира с религиозной позиции. Культурная память представителей регионов Бурятии и Тывы, основываясь на особенностях религиозного сознания и воспитания в определённой традиции, будет обусловлена отношением к жизни не как к конечности, не как к тому, что завершается моментом смерти, а как к возможности перерождения. Соответственно, события, имеющие важное место в личностном хронотопе будут напрямую связаны если не с кармической предрасположенностью, то с родовым базисом. Наиболее популярные обряды, за которыми современные буряты и тувинцы приходят к шаманам, – те, что связаны с практиками очищения рода, снятия родовых проклятий и порч (по результатам интервью с шаманами Бурятии и Тывы в ходе экспедиции в августе 2015 г.).

Список литературы:

1. Бобер Ж. Культурная маргинальность и её место в развитии культуры // Вестник Ленинградского Государственного Университета им. А.С. Пушкина. 2009. № 4. С. 136-143.
2. Житенев А.А. Альтернативные модели времени в самосознании «неофициальной» культуры // Новое литературное обозрение (Москва). 2015. № 135. С. 279-288.
3. Янковская Г.А. Современное искусство в Перми: устные истории // Вестник Пермского Университета. 2010. Вып. 2(14). С. 116-124.

References (transliterated):

1. Bober Zh. Kul'turnaya marginal'nost' i ee mesto v razvitií kul'tury // Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. A.S. Pushkina. 2009. № 4. S. 136-143.
2. Zhitenev A.A. Al'ternativnye modeli vremeni v samosoznanii «neofitsial'noi» kul'tury // Novoe literaturnoe obozrenie (Moskva). 2015. № 135. S. 279-288.
3. Yankovskaya G.A. Sovremennoe iskusstvo v Permi: ustnye istorii // Vestnik Permskogo Universiteta. 2010. Vyp. 2(14). S. 116-124.

В европейской части России региональные представители культуры связывают события с результатами собственных усилий. Время, в восприятии представителей регионов Кировской области, а также Пермского края, и в большинстве городов – миллионниках, таких как Новосибирск, Нижний Новгород, Казань, представляет собой процесс скоропостижный, быстро утекающий и конечный. Менталитет такой направленности зачастую не рассматривает события с привязкой к родовой памяти, а ориентирован на индивидуальное проживание моментов.

Таким образом, понятие «безвременья» в ситуации «эпохи перехода» становится одним из определяющих аспектов термина «андеграундная культура», когда современный представитель андеграунда уходит в «подполье» из-за чёткого убеждения, что не сможет ничего изменить в действующей временной парадигме. Региональные различия заключаются лишь в традиционном понимании времени: в европейской части эта модель будет разорвана, в то время как в восточных и юго-восточных регионах России «эпоха безвременья» будет непосредственно обладать культурно-исторической памятью.